

ВЛАДИМИР ПСАРЕВ

ПАРК ШАРЛОТТЫ

16+

Владимир Евгеньевич Псарев

Парк Шарлотты

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67026804

SelfPub; 2021

Аннотация

Почему одни по дну ползут, а иные в свободном плавании? И нормально ли любить только одну свою семью? Что это: обман или здравый минимализм?

Владимир Псарев

Парк Шарлотты

Во-первых.

Германия – земля отцов, оставлявших у могил матерей и жен столетие за столетием. Государство, которого никогда не было на карте, и рождено оно было вопреки. Если задуматься строго, то рождено в ненадёжном столетии ради войн в столетии наступающем. И поделила его длань победителей на неравные части, ибо нет ему места под мирным небом.

Победителей осуждать не принято. И неподсудные, как сложилось, пребывая на вершине, быстро стареют и падают ниц на раскаленные мостовые. Советский Союз рухнул, обрекая адептов культа всеобщего равенства на полуголодное существование. Отдельные адепты быстро сориентировались и отправились в те края, от которых их зарекали. Теперь в немецких тюрьмах каждый второй – русскоговорящий. Ошибки поколения.

Мы переехали в Германию, а если точнее, то в Западный Берлин, в конце 1990-х годов. Задача непростая. Сначала наступает осознание того, что здесь нет той души, а Европа была сказочна только со стороны. Затем заканчиваются деньги.

Родители быстро расстались. Понастроили стен в одной квартире, как ГДР и ФРГ, и не вынесли. Папа нашёл себе новую семью, и у него всё получилось. Может, действительно за каждым мужским успехом стоит женщина, а моя мама просто не смогла? Первые два года мы с мамой прожили в одиночестве.

Средств катастрофически не хватало, а вернуться в Россию не позволяла гордость. Да и там предстояло всё начинать с нуля. Куда возвращаться? Страна может и поднималась с колен, а вот наша собственная семья падала всё ниже и ниже. Семья? Откуда я знаю, что это такое? От неё не осталось ровным счетом ничего. Если кто из родни в России и оставался в живых, то уже мало был похож на человека.

Старая одежда изнашивалась, а новую мы позволить себе не могли. Зато у матери всегда стали оставаться деньги на алкоголь. Я хорошо помню, как впервые попытался украсть еду из магазина. Меня поймали, но отпустили: простили вчерашнего ребёнка. Понимали, сколько таких детей сейчас в Восточной Германии. В этом плане страна относительно лояльна. Никто не пытается на тебе отыграться, а скорее хочет научить жить в цивилизованном обществе. Остальное – скорее исключения.

Но учиться морали я не хотел. На это у меня не было ни сил, ни времени, и я продолжал учиться воровать. Завёл себе друга Мишу, что провёл в Германии на год больше моего, и уже давно тут освоился. Я очень вожделем новые кроссовки.

Такие же, как на людях, толпящихся у входа в гостиницы в районе Шарлоттенбург:

– Ты заходишь в примерочную, я отвлекаю.

Страшно волновался, ведь кроссовки – это не шоколадка. Но Миша был мастером импровизации. К тому же хорошо знал немецкий, в отличие от меня. Благодаря его врождённому артистизму никто и не заметил, как я вышел на улицу в новой паре.

– Миша, а почему ты мне помогаешь?

– А чем ещё заниматься? Это весело.

Мы с ним были одного возраста, из одной среды. Как говорят, одного поля ягоды. Но Мишу его положение никак не смущало, а вот я стыдился своей жизни. Стыдился, воруя еду. Стыдился, когда на меня смотрели, словно на инопланетное существо в школе. Выдумывал в своей голове миры, оттенявшие неприятную реальность. Из литературы предпочитал исключительно фантастику. Соображения тут сугубо конструктивные: реализмом сыт по горло. Терпеть ещё сколько? Я буду лучшим из стихов. Лучшей из новелл. Заберусь на литературный Олимп и назову себя Булгаковым. Или на музыкальный, и тогда буду Цоем. Главное, пожить подольше.

А пока я не нужен ни братом, ни мужем, ни оружием. Трудный подросток с набором причуд и без причин скрывать их.

Это должно было случиться. Мама, погружаясь на соци-

альное дно, теряла связь с реальностью. Привела в дом сомнительного мужчину. Естественно, он пил водку, потому жить стало громко и весело. А возраст у меня такой наступил: переходный, неудобный. Возраст, в котором быстро растут крылья. Естественно, мне их заминали, как могли.

Дома я появлялся реже и реже. Мы с Мишей гуляли по дорогим кварталам, заглядывая в окна. Там люстры, картины, какой-то собственный космос:

– Аристократия.

Во-вторых.

Прошло почти 10 лет. Жизнь изменилась совершенно кардинально. Выучил немецкий, но разговариваю на русском языке везде, где удобно. Я больше не тот подросток, заглядывающий в окна дорогих квартир. Ребёнок внутри меня смотрит на мир из этих окон. Он, не взрослея, старым стал. Теперь я известный в узких кругах писатель, художник и музыкальный продюсер. Жизнь, словно полный стадион, а мне с него играет сам Цой. Только в толк никак не возьму: много ли я зим пережил и всё-таки мало? Но точно опередил огромное количество спин. Теперь я сам живу в одном из тех домов, в окна которых с интересом заглядывал. Жизнь такая, что Миша, чья врождённая харизма до сих пор мне помогала, кричал:

– С ума сойти: дайте мне две!

– Это легко, но только целиком: нищету придётся пройти дважды.

Сам товарищ так и остался в стороне от всего. Он появлялся, когда был нужен, и тут же исчезал по своим делам. Его не интересовало материальное, что странно, как для мигранта. Личная слава страшно претила ему. Поразительно, насколько лихо он избавился от груза, присущего бесам в стране херувимов. И всё у него складывалось вполне для него комфортно.

Когда Миша зарабатывал, я ему платил. А он, замечая зреющую в моих глазах тоску, извинялся:

– И вроде бы помогаю тебе, но по-настоящему помочь не могу.

Я пробовал вернуться в Россию. Даже прожил несколько месяцев в Москве. Только я не узнал свою страну. То ли детское восприятие всё исказило, то ли и вправду всё поменялось. Я вернулся обратно, и только после этого проклял весь мир. Нашёл в кармане билет «Москва – Берлин», но окончательно потерял себя:

– Ну, тут ты хоть что-то понимаешь, – резонно заявил Миша.

Моя душа никогда не покидала этих знакомых переулков и стен. Я тот же пёс: вижу свои ворота и начинаю лаять. Каждый сам решает, чего стоит справиться со мной.

С матерью я не общаюсь. Честно, не знаю, где она обитает. Для неё я по гороскопу Омен, да и мне самому так безопаснее.

Личная жизнь тоже не сложилась. Любовь – это свет. Но почти всегда свет Роберта Оппенгеймера. Я плакал впервые за несколько лет. Плакал в своей квартире в самом дорогом районе Берлина – простой русский эмигрант, воровавший еду в магазинах. Плакал, затирая солёной водой миллион евро наличности. Ещё немного, и я начну покупать на них таких же с детства закомплексованных, чтобы забыть тех, кого не смог купить. Продаются все, но не всем цена – валюта. А у меня ничего кроме них и психотравм нет.

Эмоции недостижимы для бюджетов. Хочется засыпать и просыпаться не просто рядом с женским телом, а с родственным образом мыслей. Но у музыкантов и поэтов очень специфический юмор. Выбрал этот путь, помни: грудь – она для пуль.

Друзья? Если плохо, то им праздник. Миша – это другое. Когда всё хорошо, мы все улыбаемся друг другу, но это лишь Lagavulin. Незакрытый гештальт открывает бутылку и вызывает девочек лёгкого поведения с тяжёлой судьбой. За них не обидно. Обидно за девушек поведения и мироощущения тяжёлого с судьбой аналогичной. Запираюсь в этом креативном аду на пару месяцев, как в особняке Огюста Ренуара, чтобы систематизировать увиденное ранее. Пишу пьяным – редактирую трезвым.

Долго ли, коротко ли? Не помню, куда пропадают недели. Утром открываю глаза. Не знаю, где проснулся, то ли в райском саду, где вокруг меня цветы, но не старше двадцати лет, то ли в темнице ада. Физически вспоминается уже родное ощущение, наступающее под утро после приёма внушительных доз алкоголя, когда организм начинает сдаваться и перестаёт подыгрывать искусственной эйфории. То состояние, когда сначала хочется резко снять интоксикацию, а затем и вовсе упасть и больше никогда не взлетать. Странно, но в первую минуту после тяжелого сна показалось, что это чувство не просто никуда не ушло, а скорее усилилось, и ко всему прочему добавилась немотивированная тревожность. Перед глазами потолок. За окном привычно гудят машины – мир куда-то движется, люди что-то создают и производят. «А я, кажется, просто спиваюсь».

Слева и справа лежат обнаженные девушки. Вчера я видел их впервые, а сегодня, скорее всего, в последний раз. Каждую из них кому-то завтра называть мамой, а как их называть сейчас каждый решает сам. Какая из них проснётся первой? Я опытный, и уже знаю.

Выхожу покурить. Странно наблюдать всё происходящее внизу, стоя под потоками воздуха на балконе фешенебельного дома. Когда-то я и сам был частью этой суеты, отчаянно пытаюсь выжить в потоке без конца сменяющихся друг друга дней, в коем постоянно нужны средства. Этот город, ко-

нечно, не изменится, если в нём умереть. Берлин – слишком большой. А Шарлоттенбург – слишком богатый для такого сочувствия район. Тебя просто вынесут, а потом уложат в холодильник. А потом... Ну, сам знаешь. Почему-то именно страх перед бесчувственностью остановил. Рукоять балкона показалась тёплой. И что за мысли такие с похмелья?

Рассматриваю парк. Я потерялся, отстал, почти спился, растратил чувство привязанности к миру и желание бороться. Больше не хочу оборонять свой Сион. Кто-то учит меня теории искусства, но всё бесполезно, коль практику мне вёл сам Башлачёв. Да, я по-прежнему не принц, и мне не принадлежит Йоркшир. Да я уже и не вижу в нём смысла.

Миша пришёл в 10 утра, когда все уже разошлись. Как ему удаётся так рано вставать? Откуда он черпает силы? Ну, вернее, как ему удаётся так рано ложиться? Его ничего не тревожит?

– Смотри, тут акция была, и я кое-что захватил.

Раскладывает по столу свежие фрукты, шоколад с заменителями сахара. Миша бодрый и на пружинках.

– Ты хоть не на последние деньги взял? – спрашиваю.

– А мне деньги неинтересны. Ну, на последние. И что?

– Дать тебе?

Миша отмахивается. Я вспоминаю голодное детство и запинаюсь на собственных мыслях:

– Что с тобой?

Я уже и не знаю, что со мной. Хочется кричать, чтобы мне вернули того меня: без премий, шикарных квартир и в окружении женщин, живущих на эмоциях и по собственным средствам.

Над кожаным диваном зиждилось изображение Diamond April в образе Казанской Богоматери. В глазах Миши это выглядело настолько пошло и отвратительно, что тем и привлекло:

– Это прекрасно. Более мерзкого воплощения я пока не видел.

Я сам завис, изучая отдельные решения отчаянного безымянного художника, хоть и наблюдал эту картину каждый день. У Миши возник закономерный вопрос:

– Мне, конечно, тоже бывает одиноко и тревожно, но...

– Ай, не обращай внимания.

– Прости, а почему именно Истомина?

Из моего пространного рассказа Миша узнал, что та очень популярна в среде русскоязычных эмигрантов в Германии.

– А ты чуть-чуть в курсе, что ты этим жестом оскорбил не только РПЦ, но и саму Карину?

Миша стоит напротив меня. Счастливый-счастливый. Не познавший ни вкуса богатства, ни шикарных женщин. Не понимающий, что океану вечно хочется кушать, и сколько бы человек ни возомнил о себе, его заберут:

– А ещё по акции были венские вафли.

Миша продолжал вытряхивать всё, что смог принести. У

меня есть деньги, но я давно никуда не хожу. У Миши мало денег, и он постоянно добывает интересные истории и самое вкусное в магазинах. У меня их много, но я уже не добываю почти ничего. Камни, которые я так старательно собирал, промокли и больше не высекают искр.

Планета уснула, и я лежу на полу. Снаружи парк Шарлотты мокнет под ливнем. Меня встряхивает, и я понимаю, что для бесчувственных игр тут слишком много места. И многие люди будто нарочно пытаются заполнить ерундой всё пространство вокруг.

Мне всегда казалось, что мир не принимает меня таким, какой я есть. Вопрос о том, нужно ли это, даже не возникал. Я пытался подстраиваться под окружающих, чтобы получить одобрение выбранному пути. Подстраивался и терял связь уже с самим собой, и это порождало новый приступ диссонанса с внешним миром. А он – снова с внутренним. Этот круг не размыкался совсем. Потом к перечню размышлений и комплексов добавилась эмиграция. Это был не просто мир, а мир нищеты, которому нужно было доказывать своё право на жизнь. На поиск гармонии сил не оставалось, но он продолжался уже сугубо подсознательно. «Всё по плану», – говорит Игорь. «Всё по кругу», – убеждает Миша.

Несколько часов сижу на лоджии. Жизнь теряет краски, и лето напрасно. Старые вековые деревья парка в районе Шарлоттенбург молчаливо прекрасны. Они видели Вторую Ми-

ровую войну, и они спокойно дождутся, когда и в твоей серой голове оторвётся алый тромб. Но даже им суждено однажды стать пнями. Из их стволов родным братьям сколотят гробы, а эти места под берлинским солнцем займут новые ростки.

Дошагав до рассвета, покидаю парадную. В 6 утра я не вижу ни единой души, и не хочу видеть. Вчера вечером Берлин был забит, как директ Карины Истоминой. А сейчас – тишина. Вдруг навстречу выбегает какая-то девушка. Ярко-красные лосины, обнажённые плечи, забавный фитнес-браслет.

Простая истина – не унесёт Lufthansa от собственных мыслей в Ниццу. Мне не спится, и тут понятно всё. А она-то чего? Конец сентября. Кажется, понедельник. Судьба на все мои деньги сыграла в случай и обязала защищать то, что я всегда презирал: своё Эго. Вот же ж изысканное наказание.

Я задаю себе вопрос: почему бедный и глупый намного счастливее богатого и образованного? Почему одни по дну ползут, а иные в свободном плавании? И нормально ли любить только одну свою семью? Что это: обман или здравый минимализм? Почему гниёт мой Берлин? И сколько ещё я смогу петь людям, встав на карниз?

А может, беда только лишь в том, что в этом городе я по-прежнему нолик? И дом – это не стены? Но у меня нет семьи.